

УДК 316.4:378

О РАЦИОНАЛЬНОСТИ В СОЦИОНАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

© 2015 г. А. П. Бандурин, Т. Л. Сerezникова

*Южно-российский государственный политехнический университет
(Новочеркасский политехнический институт)*

Рассматриваются вопросы рациональности социального действия, меры рационального содержания социальной регуляции, нарушение которой ведут к уменьшению рационального содержания социального пространства взаимодействия людей, в том числе в образовании, способствует иррационализации поведения и деятельности в различных сферах.

Ключевые слова: социальная рациональность; социальная регуляция; образовательное пространство; повседневность; обыденное существование; формализация, аутсорсинг; бюрократическая рациональность.

In the article authors considered the issues of social action, measures of the rational contents of social regulation, the violation of which regulation leads to a decrease in rational contents in the social field of individuals interactions, including education, stimulates irrationalization of behavior and activities in different fields.

Key words: social rationality; social regulation; educational space; daily routine; ordinary existence; formalization; outsourcing; bureaucratic rationality.

Изучение проблем рационализации социального действия, типов социальной рациональности [1], степени насыщенности социального пространства повседневным рациональным содержанием в том или ином аспекте проявления современного общества становится все более востребованным и проявляемым в социально-философском дискурсе. Присутствие и возрастание роли рационального в деятельности «освящает», сакрализует ее, делая в тоже время социальной, вовлекает в систему социальных связей и отношений, что в свою очередь, облагораживает всю палитру социального пространства. Рациональное содержание социально укрепляет его, делает закономерным, предсказуемым, снижая социальные риски неопределенности и хаотизации, иррационализации общества. Однако, четкость замыслов, прозрачность мотивов социально-рационального действия, замышляемые в открытом дискурсе и направ-

ленные на прием в широком коммуникативном пространстве для широких масс населения, могут оборачиваться и скрытыми смыслами социального действия в деятельности и действиях элит.

Рациональность и ее наличие в социальном действии также имеет свои пределы и меры использования, чрезмерность применения которой ведет к иррациональности и исчезновению, минимизации социального в деятельности. Тем самым, рациональное релятивизирует социальное [2], и, наоборот, социальное ограничивает рациональное, создавая преимущественные определенные условия для существования того или иного типа социальной рациональности.

Появляются рационально-пространственные условия возникновения неких социальных групп, регулируемых якобы все возрастающей необходимостью рационального характера. И, в свою очередь, регулирующих

на этой основе социально коммуникативное взаимодействие, обусловленное этой возникшей «рационально обоснованной» необходимостью. В результате, социально важным становится не вещное субстанциональное существование, а его симуляция, связанная с «уходом» из социального пространства реальных отношений, когда на первый план в социальных отношениях выходят вместо реальных вещей их знаки, все дальше отстоящие от социальной реальности, во многом искажающие и подменяющие ее по причине изменения в сторону уменьшения рационального содержания.

В «исчезающем» рациональном содержании социального пространства появляются различные «совокупности разделенных (противопоставленных) образований» [3, с. 16]. Причем, феномен указанного разделения может проявляться в различных аспектах. Оно реально происходит, во-первых, как между различными пространственно-институциональными образованиями, социально-организованными сферами социального бытия, так и, во-вторых, внутри их, затрагивая вертикальную социальную регуляцию их существования и сферы деятельности.

Первый вариант «разделенных» социальных образований, а следовательно, и типов социальной рациональности, которыми они регулируются, возникает на уровне основных сфер жизнедеятельности общества в сфере экономического и образовательного пространства и крупных инфраструктурных образований в социальной сфере, ЖКХ, здравоохранении, образовании, производстве и распределении, затрагивающих торговлю, связь, железные и автомобильные дороги, сельское хозяйство и энергетику, оборону и государственное регулирование на макросоциальном уровне. Указанная «разделенность» социальности и снижение в ней уровня рационального содержания на первых порах так называемого первоначального накопления капитала в России 90-х годов XX века, банально проявлялась в стремлении «тянуть одеяло на себя» путем повышения тарифов, например, за электроэнергию, платы за проезд в транспорте, роста тарифов ЖКХ. Для многих социальных групп в таких условиях социальной неопределенности происходит исчезновение рационально обоснованной со-

циальной реальности, она иррационализируется и становится непредсказуемой, несущей с собой социальные риски повседневного существования. Сегодня социальная реальность в сфере рынка носит манипулятивный характер, что связано с симулятивной активностью различных финансово-банковских групп, деятельностью спекулянтов, получающих экономическую выгоду на курсе валют и извлекающих из этого экономическую выгоду. Снижению рационального в социальных взаимодействиях способствует не только возникшая биржевая паника в условиях падения курса рубля на фоне дешевающей нефти и объявления антироссийских санкций в связи с событиями на Украине, но и распространение слухов на основе прогнозов различных рейтинговых агентов, носящих, как правило, мотивированный политический характер — ослабить Россию. В повседневности макроуровневого обыденного существования это ведет к иррационализации поведения и деятельности, росту его рискогенности и непредсказуемости.

Данный социально-экономический вариант возникновения и существования типов социальной рациональности на макросоциальном уровне подпитывается вторым, — микросоциальным уровнем не только трансграничного институционального взаимодействия, но и использования внутри институциональными инфраструктурами в большей или меньшей степени рациональности социальных взаимосвязей. Например, рациональность социальных связей института образования сжимается усиливающейся обыденностью, рутинизацией повседневности социальных структур, ответственных за организацию образовательного процесса и функционирования образовательного знания, что ведет к формализации, бюрократизации передачи его от учителя к ученику, снижению уровня научности образовательного знания и излишнему оповседневению социальной действительности. Социальная рациональность образовательного знания в повседневности его существования исчезает и заменяется формальной или, в худшем случае, бюрократической рациональностью, и «то, что в одном обществе кажется важным и существенным, в другом занимает низкие позиции» [1, с. 11].

В условиях формирования индустриального общества таким «важным и существенным» для образовательной деятельности любого вуза была подготовка высококлассных специалистов, которые требовались в различных отраслях общественного производства. Сегодняшнее потребительское общество с его сервисной (сервильной) экономикой делает рефлексивную попытку рационального упорядочения достигнутого уровня образования и его модернизации на основе роста численности обслуживающего персонала, усложнения уровней иерархических связей, предельно узкого вычленения и закрепления функций, увеличения формализованных структур деятельности. В целом это оборачивается бюрократизацией образовательного институционального пространства, которое имеет не только положительные результаты в виде упорядочения образовательного процесса, введения определенных стандартов, общих учебно-методических требований, необходимых учебно-методических комплексов дисциплин, четких регламентов деятельности и требований к профессорско-преподавательскому составу, но и негативные моменты.

Одним из отрицательных следствий бюрократизации как модели управления в вузе является усиление формализации образовательной среды на основе выявления соответствия системе показателей результативности, определенных внешне стандартным образом и игнорирующих сущностную сторону высшего образования, связанную с его действительной социальной необходимостью. В образовательное пространство вузов вводятся различные показатели, стандарты, регламенты, рейтинги, что неизмеримо вызывает рост информационных потоков на бумажных и электронных носителях, значительное увеличение административно-управленческих функций, снижающих степень научно-образовательной рациональности и увеличивающих долю рациональности бюрократической.

В связи с возрастанием регулятивной роли бюрократической рациональности в институционально-пространственном контексте современного вуза возникает проблема оптимизации потока бумажно-цифровой информации, а также растущего объема несвойственных вузу хозяйственных и формальных обязанностей, далеких от основной, образо-

вательной деятельности. На взгляд некоторых исследователей, возможным путем решения указанной проблемы в смысле избавления от несвойственных вузу функций и обязанностей может явиться применение аутсорсинга как передачу непрофильных трудовых операций и функций, работ и видов деятельности внешним организациям — исполнителям. Наряду с предложением возможного пути отмечается, что «недостаточно исследованы проблемы использования аутсорсинга в учреждениях высшего образования, а также условия и особенности его влияния на процессы труда в вузах» [4, с. 364]. Для применения аутсорсинга в вузе предлагается выделить из единого процесса труда различные виды трудовой деятельности по технологическому, профессиональному, функциональному и квалификационному признаку, учитывая при этом наличие других видов разделения труда: горизонтального — между сотрудниками одного уровня управления и вертикального — между сотрудниками верхних и нижних уровней управления, что формирует новый, частный трудовой процесс, который может быть передан внешним исполнителям при их соответствующей специализации организации, функциональной, технологической, профессиональной и квалификационной идентификации, тем самым подчеркивается экономическое значение разделения труда при аутсорсинге, заключенное в специализации исполнителей, уменьшении затрат, росте интенсивности труда, уменьшении непроизводительного потребления рабочей силы [4, с. 365–366].

Трудно судить о возможности применения аутсорсинга в деле уменьшения доли бюрократической рациональности в образовательном пространстве России. Вероятнее всего, процесс «непроизводительного потребления» рабочей силы преподавателей, выполняющих несвойственные функции в части выполнения различного рода бюрократических «рационализаций», будет продолжен. Но несомненно и другое: при всех своих недостатках данный процесс связан также с упорядочением учебно-методической работы, внесением новых форм преподавания в учебную деятельность, взаимодействия с окружающей социальной средой. Положительным подтверждением тому является дуальное обучение, возникающее сегодня на стыке

учебной и производственной деятельности, когда учащиеся и студенты полученные на занятиях знания подтверждают, закрепляют, развивают в условиях непосредственного рабочего места на современном производственно-техническом уровне под руководством преподавателей и наставников-производственников. Такой инновационный вариант социально-трудовых отношений, несомненно, имеет будущее в образовательном пространстве современного российского общества. Итогом бюрократизации научно-образовательного и социально-воспитательного пространства на уровне регионального российского вуза, становится всеобщее возникновение и развитие своего рода феномена «сверхрационализма», воплощающегося в практике рационального конструирования формальных систем при исключении рационально обоснованных смыслов, что способствует возрастанию дистанции между администрацией и основным коллективом вуза, определяемой существенными различиями в ценностно-смысловых паттернах контрагентов [5, с. 32]. На этой основе возникают сбои в системе социальной регуляции вузов, и, особенно, региональных. Вызваны они все более увеличивающейся линией ценно-смыслового раздела по поводу понимания значения образования субъектами и объектами регулирования социально-образовательных процессов вузовской среды. Дело в том, что ее бюрократизация «стимулирует администрацию к разработке формально-масштабных, но вместе с тем усложненных программ и проектов, значительная часть которых не может быть в полном объеме реализована в силу дефицита необходимых условий и низкого уровня мотивации работников» [5, с. 32].

Известно, что бюрократизация крепко связана с формализацией и разного рода рейтинговыми показателями, что выражается в стремлении вузовского руководства соответствовать выдвигаемым формальным показателям, выдаваемыми за достижение определенного модернизационного уровня, но большинство преподавателей, выступающих в качестве объекта социальной регуляции, предпочитают позитивно оценивать лишь те инновации, которые способствуют созданию реальных социокультурных условий, помогающих об-

разовательной социализации личности. В результате, различные имитации модернизационных процессов воспринимаются профессорско-преподавательским составом в качестве наихудших проявлений бюрократизации, а саму бюрократизацию оценивают в качестве знакового проявления и тормоза реформирования высшего образования.

Следует отметить, что феномен бюрократизации в российском высшем образовании является отпечатком действия и проявления культуры российской бюрократии в социокультурном пространстве России в целом. Бюрократия в вузовской среде является следствием рационального стремления в обществе «нанести порядок в делах», «установить твердые, ясные правила», «расставить все по полочкам», «всюду проникнуть, во все вникнуть», «все взять под контроль», «определить твердые, простые стандарты», «упростить ситуацию преподавания». Никто не возражает против данных правил и принципов рационального подхода к социальной регуляции. Все дело в мере рационально-властного содержания, степени охвата и установления формальных правил и стандартов, а также требований их неукоснительного соблюдения, когда за внешне установленными моментами социальной регуляции теряется ее социальная сущность, превращающаяся таким образом, в свою противоположность иррационального характера, и люди перестают понимать социальный смысл такого регулирования.

Бюрократическая рациональность, проникая во все структуры социальной жизни, кардинально изменяет современную вузовскую субкультуру, чрезмерно стандартизируя и упрощая повседневную социальную реальность вузов. Упрощается механизм социальной организации и функционирования вуза, исчезают остатки «академической» демократии в условиях все большей коммерциализации образовательных учреждений и превращения их в своеобразные образовательные корпорации, в которых костяк руководства составляют часто бывшие менеджеры, пришедшие из рыночных структур, которые быстро перевели на «рыночные» рельсы вузовскую систему управления. Как правило, наука и образование имеют для данной ко-

горты управленцев значение ценностей инструментального характера при прохождении ускоренного варианта профессионально-управленческого роста и восхождения по вузовской карьерной лестнице. Отмечается при этом, что чиновники, в том числе и вузовские администраторы, упрощая и примитивизируя образовательный процесс, проявляют заметный энтузиазм в отношении технологизации управленческих решений, обращая внимание лишь на позитивные результаты внедрения социальных технологий, при этом обыкновенно умалчивается, что их массовое применение имеет и негативные последствия, связанные с чрезмерным упрощением реальности, редуцированием творческой среды, что ведет к возникновению серьезного противоречия между необходимостью становления все более вариативного образовательного процесса в нелинейных вузовских системах и бюрократической самоорганизацией с ее установкой на стандартизацию, нормативно закреплённую административной реформой [5, с. 34–35]. Ситуация показательно подтверждается существованием, например, с одной стороны, учебного рабочего плана, которым предусмотрен выбор студентами вариативных дисциплин, а, с другой, — наличием учебно-методического комплекса дисциплин с обязательным набором требований учебно-методического характера, которые носят строго рекомендательный характер и направлены на культивирование шаблонного мышления как проявления своего рода высшей ценности.

Отмечая взаимопроникновение различных бюрократических субкультур, следует сказать об их способности по-своему, в зависимости от социального пространства развертывания, тормозить социальные процессы. Проникновение и развитие бюрократической рациональности в социальном пространстве высшего образования становится реальной угрозой не только для его инновационного развития, но и ставит под вопрос безопасность существования страны в целом. Бюрократически скроенная, современная российская система высшего образования все более ориентирует задействованных в ней людей на стандартное мышление по принятым шаблонным образцам. И в большей мере дан-

ные тенденции проявляются в региональных вузах.

Высшее образование, испытав социокультурное влияние рациональности бюрократической культуры, становится не только одним из зримых элементов социального контроля и управления, но и ее источником, своего рода рассадником и передаточным элементом системы бюрократической рациональности. Появляется новая генерация работников высшего образования, имитирующих инновационные практики и демонстрирующих квази-высокие научные и образовательные достижения. «Результат деятельности таких работников образования неизбежно будет усиливать трансляцию культуры рабочего подчинения, узкоспециализированного становления, общественной активности в нормативно-определённых рамках, которые всегда настраиваются властью на выполнение прежде всего контролирующих функций» [6, с. 45]. И сегодня мы имеем дело с такой рациональностью бюрократического типа, которая самовоспроизводит самое себя, распространяет и культивирует себя в социокультурных контекстах, когда происходит «пересечение» ее различных типов в тех или иных видах и формах социальной действительности, сжимаясь диалектически в деятельности выпускников современных вузов. А реальным итогом всех указанных взаимосвязанных процессов становится стагнация модернизационных проектов современной России, затухание предпринимательской деятельности, снижение темпов научно-технического прогресса, ограничение конкурентной среды и упадок регулирующей роли рынка.

Таким образом, именно здоровое рациональное стремление навести порядок в период хаоса России 90-х годов XX века привело затем в начале XXI века к пределу меры соотношения рационального и иррационального в социальной регуляции, возродило российские бюрократические механизмы управления с элементами советских традиций, что не замедлило сказаться на стагнации производства. Первыми удушающее дыхание бюрократического рационализма ощутили на себе прежде всего бизнесмены и предприниматели. Бюрократический рационализм властной элиты общества продолжает социальную ма-

нипуляцию путем неумеренного контроля, проверок, распределения бюджетных доходов и возбуждения у большинства населения страны неумеренных патерналистских ожиданий.

Литература

1. Убайдуллаева Р. Т. О социальной рациональности и ее типах. // Социологические исследования. — 2013. — №11.

2. Ерофеева М. А. Релятивистская программа в социологии. От повседневности к новой онтологии социального. // Социологические исследования. — 2014. — №1.

3. Куликов С. Б. Дискретность социального пространства и парадигмы в социологии. // Социологические исследования. — 2014. — №9.

4. Иванова-Якушко Е. Ю. Аутсорсинг как инновационный вариант социально-трудовых отношений в учреждениях высшего профессионального образования. // Социально-гуманитарные знания. — 2014. — №1.

5. Бабинцев В. П. Бюрократизация регионального вуза. // Высшее образование в России. — 2014. — №2.

6. Кочетков М. В. Инновации и псевдоинновации в высшей школе. // Высшее образование в России. — 2014. — №3.

Поступила в редакцию

22 апреля 2015 г.

Александр Петрович Бандурин — доктор философских наук, профессор кафедры «Юриспруденция» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Aleksandr Petrovich Bandurin — Ph.D., Doctor of Philosophy, professor at the South-Russian State Polytechnic University (NPI) of M. I. Platov name Jurisprudence department.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел. +7 (8635) 2-5-57-71; e-mail: jurisprudence-urgtu@yandex.ru

Татьяна Леонидовна Сerezжникова — старший преподаватель кафедры «Юриспруденция» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Tatiana Leonidovna Serezhnikova — senior lecturer at the South-Russian State Polytechnic University (NPI) of M. I. Platov name Jurisprudence department.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел. +7 (8635) 2-5-57-71; e-mail: jurisprudence-urgtu@yandex.ru